

Коллинз Уильям Лукас

Гомер. Одиссея

В изложении Лукаса Коллинза

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
У36

У36 **Уильям Лукас К.**
Гомер. Одиссея: В изложении Лукаса Коллинза / Коллинз Уильям Лукас — М.: Книга
по Требованию, 2023. — 177 с.

ISBN 978-5-519-89809-6

ISBN 978-5-519-89809-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ предлагаемой книжкѣ поэма «Одиссея» разсматривается какъ произведеніе одного автора и притомъ того же самага, который создалъ Иліаду. Въ сочиненіи, написанномъ отнюдь не для ученыхъ, было бы вполне неумѣстно разбирать вопросъ, относительно котораго и сами ученые еще не столковались. Читателю же, не охочему разбирать этотъ споръ, достаточно будетъ нашего увѣренія, что принимая, подобно намъ, Одиссею за твореніе того же Гомера, которому мы обязаны рассказомъ объ осадѣ Трои, читатель можетъ опереться на авторитетъ многихъ отличныхъ ученыхъ, тщательно изслѣдовавшихъ этотъ вопросъ. Правда, въ Одиссее не встрѣчается ни одной ссылки на происшествія, описанныя въ Иліадѣ, и это служитъ ученымъ однимъ изъ сильнѣйшихъ доводовъ въ пользу мнѣнія, что обѣ поэмы принадлежатъ разнымъ авторамъ и что, слѣдовательно, Одиссея не можетъ быть признаваема продолженіемъ Иліады. Но ни въ фактахъ, предполагае-

мыхъ извѣстными, ни въ описаніи характеровъ, выступающихъ въ обѣихъ поэмахъ, нѣтъ важнаго противорѣчія.

Тѣмъ не менѣе характеръ самыхъ поэмъ существенно различенъ. Иліада описываетъ станъ и поле битвы, Одиссея есть разсказъ о путешествіяхъ и семейной жизни. Преобладающій мотивъ въ Иліадѣ—слава, въ Одиссеѣ—покой. Это побудило, между прочимъ, одного изъ наиболѣе раннихъ критиковъ Гомера признать Одиссею за произведеніе его старости. Въ обѣихъ поэмахъ интересъ возбуждается положеніями и описаніями болѣе, чѣмъ такъ-называемой «завязкой». Этою послѣдней поэтъ и не задается, заранее указывая исходъ событій. Въ этомъ отношеніи интересъ поэмы ослабляется для новѣйшаго читателя еще постояннымъ вмѣшательствомъ сверхъестественныхъ дѣятелей, въ самыя критическія минуты непреодолимо направляющихъ событія. Не смотря на это, интересъ Одиссеи чрезвычайно человѣченъ. Греческая мифологія и восточныя сказанія сильно окрашиваютъ поэму; но ея мужчины и женщины очерчены рукою мастера и почерпнуты изъ дѣйствительной жизни, а такъ какъ въ двѣ тысячи лѣтъ, протекшихъ со дней Гомера до нашего времени, ничто не измѣнилось меньше человѣческой природы, то большая часть поэмы есть еще исторія современная.

Передаваемая нами поэма описываетъ странствованіе

и приключенія Одиссея, или—какъ предпочитали называть его римляне—Улисса, и его возвратъ отъ осады Трои въ свое царство на островъ Итакѣ. Имя Одиссей было толкуемо различно. Самъ Гомеръ, который долженъ бы былъ служить высшимъ авторитетомъ, рассказываетъ, что имя это дано было дѣдомъ Улисса Автоликомъ и означало «дитя ненависти». Другіе влагали въ него смыслъ «страданія», а нѣкоторые остроумные ученые видятъ въ имени древнюю форму ходячей насмѣшливой клички, прилагавшейся къ герою: «коротышъ» ¹⁾). Последнее предположеніе подтверждается отчасти фактомъ, что подъ этимъ именемъ знали Улисса тиррены ²⁾). Вспомнимъ, что въ Иліадѣ онъ описывается невыносящимъ сравненія въ ростѣ съ дюжими Агамемнономъ и Менелаемъ; притомъ же изъ описанія можно догадываться, что въ фигурѣ Улисса была какая-либо несоразмѣрность, потому-что, когда Улиссъ и Менелай сидѣли рядомъ, первый казался важнѣе. Въ Одиссее же не поминается ни о какомъ естественномъ недостаткѣ въ наружности Улисса. Его характеръ въ

¹⁾ «Менѣе цѣлой главой, чѣмъ великій Атридъ Агамемнонъ,

Но плечами онъ шире и персями съ вида врачнѣе.»

(Иліада, въ переводѣ Гнѣдича,
пѣснь III, ст. 193, 194).

²⁾ Племя пеласговъ, переселившееся изъ Аттики въ Италію.

Переводч.

этой поэмѣ совершенно соотвѣтствуетъ описанію въ *Иліадѣ*; тамъ онъ руководитель грековъ въ совѣтѣ; едвали уступая Ахиллесу или Діомеду въ личной храбрости, онъ подаетъ мнѣнія и совѣты, выслушиваемые съ такимъ же уваженіемъ, какъ Несторовы. И въ *Иліадѣ*, какъ и въ *Одиссеѣ*, онъ называется «мужемъ, преисполненнымъ мудрыхъ совѣтовъ». Своими доблестями онъ превосходитъ всякаго другаго героя; одинъ Ахиллесъ можетъ побѣдить его въ легкомъ бѣгѣ; въ стрѣльбѣ Улиссъ не уступаетъ Аяксу Оилею и Тевфру; въ борьбѣ онъ валитъ превосходящаго его силою Аякса Большаго искуснымъ ударомъ и раздѣляетъ съ нимъ побѣдную награду. Улиссу же, какъ достойнѣйшему преемнику Ахиллеса, — по свидѣтельству троянскихъ плѣнныхъ, объявившихъ, что онъ причинялъ имъ наиболѣе вреда, — были присуждены доспѣхи великаго героя по его смерти. Улиссъ недостаточно трагиченъ, чтобъ занимать первое мѣсто въ *Иліадѣ*, но по всѣмъ правамъ является героемъ долгаго путешествія и приключеній, въ которыхъ фигура великаго Ахиллеса была бы совершенно неумѣстна.

Лицо, признаваемое высокимъ авторитетомъ въ классической литературѣ, выразительно назвало Одиссею «книгою женщинъ». «*Иліада*», говоритъ великій Бентли ¹⁾,

¹⁾ Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ критиковъ классической литературы. *Переводч.*

«была создана Гомеромъ для мужчинъ, Одиссея — для другаго пола». Это мнѣніе отчасти противорѣчитъ критикѣ болѣе древняго и великаго авторитета, Аристотеля, который называетъ Одиссею «нравоучительною и сложною», между тѣмъ какъ Иліада «патетична и проста». Однако, вслѣдствіе согласнаго съ нашимъ представленіемъ о пригодности литературныхъ произведеній, Фенелоново подражаніе Гомеровою Одиссеѣ, «Приключенія Телемака въ поискѣ за Улиссомъ», стало такой популярной французской книгой для чтенія въ женскихъ школахъ прошлаго столѣтія. Несомнѣнно также, что въ новѣйшей литературѣ и живописи сюжеты изъ Одиссеи встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ сюжеты изъ Иліады, хотя чтеніе первой поэмы никогда не было такъ распространено въ нашихъ школахъ и институтахъ. Цирцея и Сирены, Сцилла и Харибда чаще встрѣчались въ нравоученіяхъ, чѣмъ какой-либо случай изъ осады Трои. Турнеровы гравюры: Навзикая и ея прислужницы, Сады Алкиноя, Обращеніе Улисса къ Циклопамъ, Пѣніе Сиренъ, — важная часть нашего наслѣдства по искусству, показываютъ въ публикѣ, для которой эти гравюры были назначены, близкое знакомство съ позднѣйшею поэмою Гомера. Тайна этой бѣльшей популярности можетъ лежать въ фактѣ, что приключенія, описанныя въ Одиссеѣ, романтичнѣе, а герои ея менѣе героичны и болѣе человѣчны, чѣмъ герои Иліады. Колоссальная фигура Ахиллеса въ его гнѣвѣ не затрогиваетъ насъ

такъ близко, какъ древній странствователь Одиссей, его удивительныя приключенія, его постоянное спасеніе съ края гибели и его не-совѣстливая хитрость.

Одиссея вызываетъ сочувствіе англичанъ еще другой своей стороной: она—разсказъ о путешествіяхъ и открытіяхъ. Изъ всѣхъ поэмъ, Одиссея преимущественно поэма мореходства. Въ Иліадѣ поэтъ никогда не пропускаетъ случая сказать, что—кто бы онъ ни былъ и откуда бы ни былъ родомъ—онъ хорошо знаетъ море и любитъ его; но въ Иліадѣ случаи къ тому представлялись рѣдко, потому-что разсказъ привязывалъ поэта къ равнинѣ передъ Троей. Въ Одиссеѣ же, напротивъ, черезъ весь разсказъ поэтъ переноситъ насъ съ моря на море, и его неутомимый герой нигдѣ не чувствуетъ себя такъ хорошо, какъ на палубѣ корабля. Не безъ причины древнѣйшія произведенія искусства представляютъ намъ Улисса не воиномъ, а мореходцемъ.

Весь разсказъ о Троѣ обнимаетъ, какъ уже было сказано, цѣлыхъ три декады, Одиссея же—только послѣднее десятилѣтіе. Какъ въ Иліадѣ, хотя осада длилась десять лѣтъ, поэтъ описываетъ только событія послѣдняго года, такъ и въ Одиссеѣ главное дѣйствіе обнимаетъ только шесть послѣднихъ недѣль третьяго заключительнаго десятилѣтія.

Промежутокъ времени между Иліадою и Одиссеей не разсказанъ ни въ одной поэмѣ; но современные поэту слушатели легко могли наполнить этотъ промежутокъ

событіями, извѣстными имъ изъ множества ходячихъ легендъ и изъ нѣсколькихъ древнихъ поэмъ, для насъ утраченных ¹⁾. Троя, послѣ долгой осады, наконецъ пала, но не предъ Ахиллесомъ. Относительно него скоро исполнилось пророчество умирающаго Гектора, и стрѣла изъ лука Париса сложила Ахиллеса, подобно его благородному врагу, «передъ Скейскими воротами». Городомъ завладѣлъ, согласно предвѣщаніямъ оракуловъ, сынъ Ахиллеса, «красноволосый Неоптолемъ». Улиссъ поѣхалъ за Неоптолемомъ въ Грецію и по прибытіи передалъ ему dospѣхи его отца, доставшіеся самому Улиссу въ видѣ цѣнной награды. Въ этихъ-то dospѣхахъ Неоптолемъ повелѣ грековъ на разрушеніе города, ночью, когда трояне либо спали, либо беззаботно пировали.

Было высказываемо предположеніе, что подъ именемъ Одиссея Гомеръ, пользуясь своимъ двойнымъ правомъ поэта и путешественника, болѣе или менѣе описалъ свои собственныя походы на сушѣ и на морѣ. Въ одномъ довольно остроумномъ трактатѣ ²⁾ было доказываемо, что поэтъ, кто бы онъ ни былъ, самъ былъ родомъ съ острова, на которомъ помѣщаетъ дворецъ своего героя. Конечно, въ Одиссеѣ есть мѣсто, очень похожее на весьма подробное и любящее описаніе поэ-

¹⁾ См. Илиаду, стр. 180.

²⁾ *Ulysses Homer; or, a Discovery of the True Author of the Iliad and Odyssey. By Constantine Koliades.*

томъ своей опоясанной моремъ родины, съ каждымъ уголкомъ которой онъ знакомъ съ дѣтства. Мѣсто это встрѣчается въ сценѣ прибытія Улисса на берегъ Итаки, котораго онъ не узнаетъ, пока его божественная руководительница не указываетъ ему различныхъ видимыхъ мѣстъ:

. . . тебѣ я открою Итаку.
Здѣсь посвященная старцу морскому Форкинская пристань;
Въ самой вершинѣ залива широкосѣнистую видишь
Маслину; близко ея полутемный съ возвышеннымъ своимъ
Гротъ, посвященный прекраснымъ, слывающимъ Наядами,
Нимфамъ
(Самый тотъ хладный, въ утесѣ таящійся гротъ, гдѣ столь
часто
Ты приносишь экатомбы богатыхъ чистымъ Наядамъ).
Вотъ и гора Неріонъ, покровенная лѣсомъ широкимъ.
Кончивъ, богиня туманъ раздѣлила; окрестность явилась;
Въ грудь Одиссея при видѣ такомъ пролилось веселье;
Бросился онъ цѣловать плододарную землю отчизны.

Всякая подобная теорія должна остаться однимъ предположеніемъ; но все-же можно думать, что какими бы баснями поэтъ ни изукрасилъ своего рассказа, онъ самъ посѣтилъ нѣкоторые изъ описанныхъ имъ удивительныхъ странъ, и интересъ читателя можетъ быть лишь оживленъ возможностью того, что подъ рассказомъ Гомера кроются и личные воспоминанія поэта.

ОДИССЕЯ.

ГЛАВА I.

ПЕНЕЛОПА И ЕЯ ЖЕНИХИ.

Герои, пережившіе великій походъ противъ Трои, послѣ долгихъ странствованій достигли наконецъ своей родины, за однимъ исключеніемъ: объ Улиссѣ все-еще ничего не извѣстно на его родномъ островѣ и въ его царствѣ Итакѣ. Десять лѣтъ прошло уже со времени паденія Трои, и не смотря на это, жена Улисса Пенелопа, старикъ-отецъ Лаэртъ и молодой сынъ Телемакъ, вступающій уже въ возрастъ возмужалости, все-еще ожидаютъ возвращенія Улисса домой. Кромѣ того, семья отсутствующаго героя испытываетъ еще другаго рода непріятность: душу Пенелопы ежедневно терзаетъ не одна забота объ отсутствующемъ супругѣ, но и неловкое положеніе къ толпѣ незваныхъ жениховъ, притязающихъ на ея руку. Молодые отпрыски благородныхъ семей Итаки и сосѣднихъ острововъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ собираются во дворцѣ, ища руки той, на которую они смотрятъ

какъ на вдовствующую царицу. Тщетно Пенелопа заявляетъ свою твердую увѣренность, что Улиссъ еще живъ: у нея нѣтъ ни малѣйшаго доказательства его существованія. Женихи требуютъ—повидимому, согласно съ существовавшимъ въ то время обычаемъ—, чтобы она избрала кого-нибудь изъ нихъ занять мѣсто погибшаго героя и пользоваться всѣми его царственными правами. Насколько женихи эти привлечены богатствомъ и положеніемъ Пенелопы и насколько силой ея красоты,—рѣшить довольно трудно. Римскій поэтъ Горацій обвиняетъ ихъ въ менѣе романическомъ побужденіи. По его словамъ, они принадлежали къ тому классу осторожныхъ искателей, «которые цѣнятъ хорошую обстановку больше, чѣмъ любовь избранницы сердца», и онъ намекаетъ даже, что упорство Пенелопы до извѣстной степени объяснимо ея догадкой о настоящихъ помыслахъ жениховъ. Не слѣдуетъ забывать, однако, что Горацій былъ по преимуществу сатирикъ. Болѣе прозаическій писатель могъ бы поднять вопросъ о томъ, могла ли личная привлекательность Пенелопы оставаться столь же неодолимой, какъ при отправленіи Улисса въ походъ, могли ли прошедшіе съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ не оставить на ней своего слѣда и возможно ли для вдовы этихъ лѣтъ (въ особенности при взросломъ сынѣ, присутствіе котораго никогда не позволяетъ забыть это обстоятельство) возбуждать такое восхищеніе цѣлой толпы поклонниковъ? Подобные ариѳметическіе критики—